

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

УДК 811.161

А. Б. Туманова

«РУССКИЙ ЯЗЫК КАЗАХСТАНА» КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА

Раскрывается проблема взаимосвязи языка и культуры. Описываются особенности взаимовлияния языков в Республике Казахстан на примере русского и казахского языков, в результате чего формируется особая языковая картина мира русскоязычного писателя-билингва, казаха по национальности. Данный вид языковой картины мира назван автором контаминированной языковой картиной мира, специфика которой естественно отражается в художественном дискурсе писателя. Для иллюстрации приведены примеры из художественных произведений современных казахстанских писателей.

Ключевые слова: язык, культура, языковая картина мира, русский язык, казахский язык, второй родной язык, писатель-билингв, лексический уровень, контаминированная языковая картина мира.

В связи с исторически сложившимися обстоятельствами русский язык в Казахстане имеет особый статус, он в течение длительного времени был и остается языком межнационального общения в полиэтнической Республике Казахстан. Собственно лингвистический статус русского языка во многом определяется особой лингвистической ситуацией, которую принято рассматривать как «речевое общение в условиях языковой неоднородности», степень неоднородности которой и влияние ее на выбор того или иного языкового кода определяются социальными и ситуативными условиями, при которых осуществляется речевая коммуникация. В связи с распадом Советского Союза на отдельные государства произошли серьезные изменения как в политике, общественной жизни, так и в национальных культурах и языках.

Применительно к рассматриваемой проблеме корректнее будет говорить о резких изменениях не в языке как таковом, а в соответствующей языковой субкультуре, поскольку они не касаются кодовых и системоорганизующих основ русского языка. Коренные преобразования и изменения, как правило, не замечаются и не осознаются носителями и «пользователями» языка, так как они проявляются лишь на уровне речевого поведения и дискурсивной деятельности, осуществляемой в соответствии с новыми нормами и узусом языковой культуры.

Подобное происходит и в современной русской языковой культуре и в ее субкультурах (Н. И. Толстой, Л. П. Крысин, Н. И. Гайнуллина, В. С. Ли и др.). Н. И. Гайнуллина утверждает, что «норма переходного периода» привела к совершенно новому в истории русского языка феномену, который пока не осознается как свершившийся факт, но рано или поздно о нем будут, возможно, говорить как об оче-

видном явлении [1, с. 5]. Речь идет о русских языковых субкультурах в странах СНГ. Можно, конечно, не замечать эти формирующиеся языковые субкультуры или, наоборот, утрировать их самостоятельность, однако есть некоторые основания считать, что такие языковые субкультуры уже формируются. Сравним такие понятия, как «исконный русский язык» (имеется в виду русский язык на исконной территории России), «российский вариант русского языка» (русский язык на территории нынешней России), «полиэтнический русский язык» или «полинациональный русский язык» (в рамках международного функционирования русского языка), «русский язык ближнего (дальнего) зарубежья»: «украинский вариант русского языка», «белорусский вариант русского языка», «русский язык Казахстана» и т. п. (см. об этом работы казахстанских ученых: Б. Х. Хасанова, Э. Д. Сулейменовой, О. Б. Алтынбековой, Е. А. Журавлевой и др.).

Следует привести еще один вариант характеристики русского языка и его функционирования на территории Казахстана как регионального варианта русского языка – «неорганический язык в полиэтническом обществе» [2, с. 38]. По мнению Д. Д. Шайбаковой, при заимствовании из казахского языка в русский язык в условиях прямого и перманентного контакта языков происходит адаптация казахских единиц к норме системы русского языка. Объективной причиной использования казахских лексем (регионализмы) в русской речи является отсутствие альтернативы. Наиболее значительными пластами регионализмов являются группы слов, обозначающих специфические реалии жизни казахов (например, названия блюд национальной кухни, игр, обрядов, этноментальные номены типа айналайын и др., имена родства, новые названия

государственных институтов: мажилис, маслихат, акимат и др.), являющиеся обязательными компонентами речи, не допускающими замены. Они и становятся фактами системы регионального варианта русского языка и используются в его нормативной форме [2, с. 38–39]. Авторы согласны с мнением ученого, что часто употребляемые слова – казахизмы (регионализмы) понятны в пределах казахстанского региона и используются обычно без перевода, такие, как ас, бесбармак, бауырсак, казы, дастархан, шанырақ, торь и др. [2, с. 40].

Считать русский язык в Казахстане, в том числе русский язык писателей-билингвов, каким-то иным языком, чем русский язык на исконной территории (в России), нет пока веских оснований. Можно говорить о сформировавшейся особой субкультуре как результате взаимодействия двух национальных культур и изменений в функционировании русского языка в новых геополитических условиях, когда под влиянием экстралингвистических причин изменились лишь внешние, статусные отношения между языками – казахским и русским. Собственно языковые, глубинные основы (на уровне языковой концептуализации мира, на уровне лингвокультурных концептов, национально-языковой ментальности и т. п.), определяющие особенности взаимодействия русского и казахского языков, русской и казахской культур, исторически устойчивы, и это подтверждает языковая практика казахстанских писателей-билингвов.

Одним из самых ярких и одновременно чрезвычайно сложных проявлений вариантов русского языка в современных условиях служит художественный дискурс писателей-билингвов (в данном случае казахов по национальности), пишущих на русском (втором родном) языке. В их творчестве проявилось с наибольшей глубиной взаимопроникновение двух культур и, главное, двух языковых картин мира – казахской и русской. Это привело к формированию в пределах уже сложившейся субкультуры особого лингвокультурного феномена, в котором взаимоотношение между используемым языковым кодом и историко-культурной памятью этноса (в том числе и отдельной языковой личности) носит в высшей степени сложный и неоднозначный характер. Особый интерес в этом отношении вызывает творчество писателей инонациональной (не русской) культуры, пишущих на русском языке, авторов-билингвов, которых научное сообщество уже по традиции объединило в одну типологическую общность под названием «русскоязычные писатели-билингвы» [3, с. 5].

Как известно, индивидуально-авторская картина мира писателя-билингва, в значительной степени определяющая когнитивно-содержательную сторону художественного дискурса конкретного

автора произведения, во многом складывается из фрагментов разных национальных картин мира. Эти фрагменты тем не менее образуют органично целостное, единое «полотно», на котором идиотические черты разных языков и культур проявляются не как инородные вкрапления, а как атрибуты особого видения действительности, особой картины мира, по отношению к которой обоснованно использовать термин «контаминированная (негомогенная) картина мира» [4, с. 5]. Совершенно очевидно, что такой тип картины мира может быть объяснен как проявление взаимодействия многих факторов историко-культурного, социально-политического и собственно лингвокультурного характеров, порождающих своеобразную третью, нестандартную и потому особую, необычную картину мира.

Собственно лингвистический аспект контаминированной картины мира предполагает прежде всего исследование взаимодействия двух языков (русского и казахского), установление их социолингвистического статуса с учетом функционирования их в определенных ареалах, в том числе и за пределами исторически исконных своих территорий. В этом отношении судьба русского языка чрезвычайно показательна, поскольку в ней представлена история взаимодействия разных культур, разных видений мира, т. е. разных картин мира, в том числе русской и казахской. И это взаимодействие оказало решающее влияние на индивидуально-авторскую картину мира писателя-билингва, создающего свои художественные произведения на втором родном языке, каким является для них русский язык. Этот язык передает особую инонациональную культуру, и она связана с историей функционирования русского языка за пределами своей исконной территории (Н. Ю. Юсифов, Н. В. Поляков, А. В. Терещенко, А. Д. Гируцкий, Л. М. Грановская, М. В. Орешкина, Н. И. Иванова и др.) [4–6].

Как показали исследования, особенности национальной языковой картины мира помогают понять различия и сходства национальных культур, их взаимодополнения на уровне культуры. Деятельность человека включает в качестве составной части и символическую, т. е. культурную, составляющую, которая является одновременно и универсальной, и национально специфичной. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность. В связи с этим при анализе языковой картины мира следует учитывать универсальные и идиотические свойства языковых единиц (концепты, сравнения, символы и т. п.). Различия между языками обусловлены различием культур, которые наиболее легко эксплицированы с помощью лексических средств языка, национально-культурное своеобразие кото-

рых может проявляться не только в наличии безэквивалентных единиц, но и в лакунах, указывающих на отсутствие в данном языке слов и значений, выраженных в других языках [7, 8].

Обзор научной литературы, касающейся исследований рассматриваемой проблемы, позволяет говорить о том, что различия между языками обусловлены различием культур, которые можно наглядно проследить прежде всего на лексическом уровне (М. М. Копыленко, З. К. Ахметжанова, Б. Х. Хасанов, С. Т. Саина, Г. А. Досмухамбетова и др.). Номинативные единицы больше всего и напрямую связаны с внеязыковой действительностью, поэтому национально-культурное своеобразие данных средств языка может проявляться как в безэквивалентных единицах, так и в лакунах. Понятно, что сами реалии национальны, а слова, их называющие, соответственно, содержат особый национально-культурный компонент. Проведенные исследования и анализ позволили утверждать, что в художественном дискурсе русскоязычных писателей Казахстана (А. Алимжанов, С. Санбаев, Б. Джандарбеков, А. Жаксылыков и др.) широко представлены реалии, лакуны; слова-обращения, слова-возгласы; пословицы, поговорки и др. [7, 8]. Для иллюстрации выдвинутых в статье идей приведем ряд примеров.

В казахстанской лингвистике известен тот факт, что в казахском языке довольно хорошо развита система слов-обращений, выражающих уважение, почтение, подобострашие, нежность, любовь и т. п. (сравним: **ага/отагасы* – почтительное обращение к старшему; **айналайын/қарағым* – соответствующее русскому – «мил человек» и может быть обращением к любому человеку). Так, в художественном тексте в речи повествователя используются на равных правах в качестве обращения слова-казахизмы (слова казахского происхождения) *ага* и его синоним *отагасы*: «*Простите, ага*, в этом доме нет мужчин. Позвольте, я вам помогу*» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1979, с. 108); «*А ты, отагасы*, успокойся. Умерь свой пыл, – сказал Малайсары Сеиту*» (Алимжанов. Гонец, 1983, с. 19).

Среди множества обращений к высокопоставленным особам (ханы, баи, бии, визири и др.), свободно бытующих в русском художественном дискурсе без перевода и пояснений (*великий хан, почтенный султан* и др.), представлены обращения-казахизмы *таксыр* и *мырза*: «*Все готово к сабельному бою, таксыр*! Туленгуты будут биться, – доложил Жантас хану...*»; «*А вы, мырза*, не из свиты ли Каипгали султана?*» В сносках отмечается: **таксыр* – повелитель; **мырза* – господин (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1979, с. 50; 23).

В системе лингвокультурологического знания особое место принадлежит художественным тек-

стам, которые в наиболее концентрированном виде выражают сведения о культуре данного народа, содержат оценки, характеризующие важные моменты истории, традиции, нравы, обычаи людей.

На протяжении веков существовало и существует взаимодействие человека и природы, человека и общества. Для казахского общества был характерен кочевой образ жизни, что, конечно же, повлияло на формирование национального характера, условия быта, нравственность, отношения между членами языкового сообщества и др. Особенно ярко это выражается в пословицах, поговорках, фразеологизмах, крылатых словах и выражениях. В них в особой творческой форме отражаются не только особенности жизни и быта кочевого народа, но специфика его психологии, мировоззрения, характера (нрава), нравственных ценностей [7, 8].

Наблюдения показали, что речь персонажей насыщена разнообразными народными пословицами и поговорками, особенно речь аксакалов, старейшин, уважаемых батыров. Умение красиво, образно выражаться – это тоже одна из особенностей речи носителя казахского языка. И это выпукло представлено в художественном дискурсе русскоязычных писателей (в данном случае казахов по национальности), в котором умело и стилистически мотивировано используются пословицы и поговорки и др. В авторском повествовании и речи персонажей частотно используются устойчивые конструкции типа *аксакалы/старейшины/мудрые/старики говорят, казахи говорят, в народе говорят*, которые придают речи непринужденный характер, а также сигнализируют об особенностях национального характера, национального менталитета. Сравним: «*Ведь слова как стрелы. Говорят же казахи: «Удар палки разорвет лишь кожу, острое слово пронзит не только сердце, но и кости*» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1979, с. 79).

Следующий фрагмент представляет собой часть диалога между вождами Исатаем и Махамбетом, последнего, так же как сарбазов, выводит из равновесия вынужденное ожидание боя. Так, в речи Исатая при помощи конструкции *казахи говорят*, неслучайно, стилистически мотивировано вводится перевод казахской поговорки. Такой способ, на наш взгляд, «выдает» национальное мировидение, национальную психологию. Сравним: «...Прошла неделя. Осталось еще три дня. Казахи говорят: кто томился, ожидая сорок дней, переживет и сорок первый...» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1979, с. 134).

Наиболее яркими примерами взаимовлияния культур, их наложения и результата являются использованные в русскоязычном художественном тексте пословицы и поговорки. Важно отметить, что их смысл перекликается с русскими пословицами,

такими как «Умный ищет путь к примирению, дурень – причину для ссоры», «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» и др. Сравним: «А когда хаджи станет еще мудрее, – тихо, но внятно произнес Адайбек, ни на кого не глядя, – тазы, наверное, будет знать и такие слова: «Глупый затеет ссору, придя мириться, умный, придя войной, предложит мир...» (Санбаев. Дорога только одна, 1974, с. 317); «Я тоже говорю открыто: я не выступлю с вами против царицы. Лучше живой воробей, чемдохлый сокол!» (Джандарбеков. Томирис, 1982, с. 60); «Судьба снова опустила на меня железную руку. Как говорится, болотной сове никогда не стать соколом» (Жаксылыков. Белый архар, 1987, с. 76).

О главном виде деятельности кочевого народа – скотоводстве и о том, что нет никакой гарантии безопасности ни со стороны другого человека, ни со стороны сил природы, в завуалированной форме говорится, например, во фрагменте речи главного героя романа Адайбека: «Недаром говорил мой дед: «Мое то, что я съел вчера; то, что гоню сегодня перед собой, – божье» (Санбаев. Дорога только одна, 1974, с. 313). Следует отметить, что также в авторской речи широко вводятся размышления-заклучения, советы по какому-либо поводу и выводы, продиктованные практической деятельностью кочевого народа. Сравним: «Если хочешь иметь шерсть, не снимай ее вместе со шкурой, – сказала Томирис» (Джандарбеков. Томирис, 1982, с. 80). Кроме того, в собственно авторскую речь, в авторские сентенции вводятся очень яркие, глубоко философские мысли, характерные для национального миропонимания, мироощущения. Например: «Нет хуже казни для родителя, чем видеть дитя свое в несчастье» (Жаксылыков. Белый архар, 1987, с. 83); «Если боги карают человека, они отнимают у него разум»; «Но если уж не везет, то и на верблюде собака укусит» (Джандарбеков. Томирис, 1987, с. 38; 44).

Наиболее ярко особенности национальной языковой картины мира выделяются в речи персонажей, которая является знаковым отражением национального сознания, мировоззрения. В следующем фрагменте – в разговоре с сельчанами – персонаж романа Нуржан говорит о необходимости объединения представителей разных жузов, на которые делится казахский народ, используя образные слова и сравнения, известные и понятные каждому из представителей кочевого народа (и в этом их ценность!). Например: «Когда приходит беда, даже волк не задирает овцу – они спасаются вместе.... Я не волк, и ты далеко не безобидная овца, Адайбек. Пришло время, когда о былых ссорах надо позабыть и думать о единстве» (Санбаев. Дорога только одна, 1974, с. 313).

Далее остановимся на использовании в русскоязычном тексте тропов, которые структурируются на базе тех параллелей, которые заданы семантическими сферами: «Человек», «Вещный мир», «Природа» [7, 8]. В ходе исследования установлено, что можно выделить круг устойчивых опорных слов для образования тропов – это наименования животных и птиц степного пространства: *джейран, шакал, овца, волк, беркут* и др. Например: «Мы, как стадо перепуганных овец, бежим по степи от волчьей стаи джунгар» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1983, с. 9); «О, проклятие вам ханы, султаны, как шакалы, раздирающие на части свою землю, свой народ...» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1979, с. 10). Всепроникающая доминанта *степь* определяет троп, элемент национального начала, выражает детализированный объект сравнения: *как стадо перепуганных овец, как шакалы, раздирающие на части свою землю* и др.

Особое место среди опорных образных операторов занимают наименования домашних животных – *конь, верблюд*. Образуется неразрывная образная цепочка *степь – верблюд – человек*. Текстовая семантика лексической единицы *верблюд* позволяет говорить о национальной специфике образных смыслов, связанных с данным словом. *Верблюд* в сознании казаха – неуклюжее животное. Неуклюжесть животного «переносится» на человека подобно тому, как в русском языковом сознании на человека «переносится» неуклюжесть медведя. Так возникает метафорический эпитет «*верблюжья походка*»: «Своей верблюжьей походкой он (Жакып. – А. Т.) шагал вокруг загона, поправляя покосившиеся столбы» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1979, с. 83); «Чего уставился на меня, старый верблюд. Помоги джигитам доставить этого красавца к шатру хана! – приказал визирь...» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1979, с. 85); «Вот теперь я вспоминаю свой аул, свою первую стоянку, как тот старый верблюд, которого беспокоит самка...» (Алимжанов. Возвращение Учителя, 1983, с. 101).

Сравнение часто включает детализированный объект, и детализация осуществляется с помощью казахизмов. Например: «*Два моих сына похоронены в родной земле, а третий убит в зиндане хивинского хана. И я, как обезумевший бура, ныне кружусь по Мангыстау и по Усть-Урту вокруг дорогих могил*» (Алимжанов. Стрела Махамбета, 1979, с. 118).

Детализированный объект «*старый обезумевший бура*» включает национально специфический семантический компонент. Горе человека, потерявшего всех своих сыновей, беспредельно, невыносимо до боли. Не случайно этот старый человек ассоциируется с *бура – верблюдом*. По нашему мнению, тропы, связанные с таким наименованием

домашнего животного, как *верблюд*, наиболее ярко отражают особенности национального мировоззрения, мировосприятия.

Итак, «русский язык Казахстана», по мнению авторов, совершенно естественно представлен в художественном дискурсе русскоязычного писателя. В художественном произведении писателя-билингва отражается национальная языковая картина мира, которая не является чисто русской или чисто казахской, а некой третьей, названной авторами контаминированной языковой картиной мира, обра-

зованной в результате наложения двух языков, двух культур (казахской и русской). В связи с этим мы считаем, что русский язык Казахстана является определяющим компонентом языковой картины мира того или иного русскоязычного писателя. Наиболее ярко особенности окружающей действительности передаются на лексическом уровне, номинативные единицы того или иного писателя придают авторской речи и речи персонажей национальный колорит и создают реальную языковую и культурно-бытовую среду, естественное повествование [7, 8].

Список литературы

1. Гайнуллина Н. И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2004. № 2 (74). С. 4–7.
2. Шайбакова Д. Д. Функционирование неорганического языка в полиэтничном обществе (на материале русского языка в Казахстане): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2006. 50 с.
3. Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 50 с.
4. Юсифова Н. Ю. Ойконимы тюрского происхождения // Вестн. Томского госу. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 3 (131). С. 106–110.
5. Полякова Н. В. Этнокультурная специфика категоризации небесной сферы в языковой картине мира селькупского этноса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 10 (138). С. 114–118.
6. Терещенко А. В. Особенности функционирования топонимов в селькупских фольклорных и бытовых рассказах // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 10 (151). С. 81–86.
7. Туманова А. Б. Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2008. 50 с.
8. Туманова А. Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Алматы, 2010. 260 с.

Источники исследования

1. Алимжанов А. Стрела Махамбета // Избранные произведения: в 2 т. Алма-Ата: Жазушы, 1979. Т. I: повести, рассказы, очерки. 416 с.
2. Алимжанов А. Возвращение Учителя // Степное эхо: романы. Алма-Ата: Жалын, 1983. 548 с.
3. Алимжанов А. Гонец // Степное эхо: романы. Алма-Ата: Жалын, 1983. 548 с.
4. Джандарбеков Б. Томирис: историческая повесть. Алма-Ата: Жалын, 1982. 288 с.
5. Жаксылыков А. Белый архар // Окно в степь: повести и рассказы. Алма-Ата: Жалын, 1987. 128 с.
6. Санбаев С. Дорога только одна: повести и романы. М.: Молодая гвардия, 1974. 429 с.

Туманова А. Б., доктор филологических наук, доцент, профессор.
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби.
Пр. Аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050000.
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 19.01.2015.

А. В. Tumanova

RUSSIAN LANGUAGE OF KAZAKHSTAN AS A SPECIFIC COMPONENT OF THE BILINGUAL WRITERS' LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

This article is devoted to the problem of the language and culture connections. In the given article they describe the peculiarities of the interrelation of languages in the Republic of Kazakhstan (in particular, the Kazakh and Russian languages) which leads to forming a special language picture of the bilingual writer's world (in our article he is Kazakh by nationality). In the work this type of the language picture of the world is called a contaminated language picture of the world, the specifics of which is naturally reflected in the fiction discourse of the writer. For illustration there are presented examples from fiction works of Kazakhstani modern writers.

Key words: language, culture, the language picture of the world, the Russian language, the Kazakh language, the second native language, a bilingual writer, the lexical level, a contaminated language picture of the world.

References

1. Gaynullina N. I. O smeshannom kharaktere russkogo yazyka i norme perekhodnogo perioda [On the mixed character of the Russian language and the rate of transition]. *Vestnik Kazhskogo natsionalnogo universiteta. Filologicheskaya seriya – Bulletin of Kazakh National University. Philological series*, 2004, no. 2 (74), pp. 4–7 (in Russian).
2. Shaybakova D. D. *Funktsionirovaniye neorganicheskogo yazyka v polietnicheskom obshchestve (na materiale russkogo yazyka v Kazahstane)*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Functioning of an inorganic language in a multi-ethnic society (on the material of the Russian language in Kazakhstan). Abstract of thesis dr. philol. sci.]. Almaty, 2006, 50 p. (in Russian).
3. Bakhtikireeva U. M. *Khudozhestvennyy bilingvizm i osobennosti russkogo khudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva*. Avtoref. diss. d-ra filol. nauk [Fiction bilingualism and peculiarities of the bilingual writer's Russian fiction text. Abstract of thesis dr. philol. sci.]. Moscow, 2005, 50 p. (in Russian).
4. Yusifova N. Yu. Oykoniymy tyurkskogo proiskhozhdeniya [Oykoniyma of a Turkish origin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 3 (131), pp. 106–110 (in Russian).
5. Polyakova N. V. Etnokul'turnaya spetsifika kategorizatsii nebesnoy sfery v yazykovoy kartine mira sel'kupskogo etnosa [Ethnocultural features of sky categorization in the worldview of the Selkups]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 10 (138), pp. 114–118 (in Russian).
6. Tereshchenko A. V. Osobennosti funktsionirovaniya toponimov v sel'kupskih fol'klornykh i bytovykh rasskazakh [Peculiarities of toponyms functioning in Selkup folklore and everyday life stories]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, vol. 10 (151), pp. 81–86 (in Russian).
7. Tumanova A. B. *Yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Language picture of the world in the bilingual writer's fiction discourse. Abstract of thesis dr. philol. sci.]. Almaty, 2008, 50 p. (in Russian).
8. Tumanova A. B. *Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva* [Contaminated language picture of the world in the bilingual writer's fiction discourse]. Almaty, KBTU Publ., 2010, 260 p. (in Russian).

Sources of Research

1. Alimzhanov A. *Strela Makhambeta* [Arrow of Makhambet]. Izbrannyye proizvedeniya. V 2 t. [Selected works: 2 volumes]. Alma-Ata, Zhazushy Publ., 1979. Vol. I. Novels, stories, essays, 416 p. (in Russian).
2. Alimzhanov A. *Vozvrashcheniye Uchitelya* [Returning of the Teacher]. Stepnoye ekho: romany [Steppe echo: Novels]. Alma-Ata, Zhalyln Publ., 1983. 548 p. (in Russian).
3. Alimzhanov A. *Gonets* [Messenger]. Stepnoye ekho: romany [Steppe echo: Novels]. Alma-Ata, Zhalyln Publ., 1983. 548 p. (in Russian).
4. Dzhandarbekov B. *Tomiris: Istoricheskaya povest'* [Tomiris: Historical story]. Alma-Ata, Zhalyln Publ., 1982. 288 p. (in Russian).
5. Zhaksylykov A. *Belyy arkhay* [White goat]. Okno v step': Povesti i rasskazy [Window into the steppe: Novels and short stories]. Alma-Ata: Zhalyln, 1987, 128 p. (in Russian).
6. Sanbayev S. *Doroga tol'ko odna: povesti i romany* [The road is only one: stories and novels]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1974. 429 p. (in Russian).

Tumanova A. B.

Al-Farabi Kazakh National University.

Pr. Al-Farabi, 71, Almaty, Kazakhstan, 005000.

E-mail: a.tumanova@inbox.ru